

ПАТРИЦИЯ МЭТЬЮЗ

Тылающий
рассвет

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М97

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Patricia Matthews

EMBERS OF DAWN

Перевод с английского Ю. Илиади

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения Pinder Lane & Garon-Brooke
Associates, LTD.

Мэтьюз, Патриция.

М97   **Пылающий рассвет** : [роман] / Патриция Мэтьюз ;
[перевод с английского Ю. Илиади]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2024. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-159188-5

Завершилась Гражданская война, Юг лежит в руинах... Юной Шарлотте Кинг пришлось самой взять ответственность за семью и дом — отец погиб, мать смертельно больна, а брат пришел с войны искалеченным душой и телом. И хуже того, у семьи Кинг появился могущественный враг — богатый ростовщик, намеренный за бесценок прибрать к рукам их ферму и весь сохранившийся урожай.

Погруженная в бездну проблем, девушка даже не задумывается о замужестве. Но у судьбы на все свои планы — любовь сама находит ее, а вместе влюбленные способны преодолеть любые трудности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Robert Thixton, 2020

© Перевод Ю. Илиади, наследники, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-159188-5

*Эта книга посвящается женщинам,
которые помогли мне в ее создании.
С благодарностью Джин, Юнис и Рут
из агентства «Джей Гэрон».*

Огонь любви

Любви огонь нежданно разгорится,
Нечаянный взгляд,
Случайное прикосновенье,
И в сердце трепет, и в душе смятенье,
Да разум чувства распознать не смеет.
И робкий костерок любви лишь будет тлеть,
А гордость спрячет
Свет от посторонних глаз.
Но жара не унять,
Все вспыхнет враз,
Чтоб сердце одинокое согреть.
Храни ты бережно
Живительный огонь любви.
Пусть он горит всегда.
От бури пламя защити!
Погаснет — искры новой не найти.
Любовь уйдет. Уйдет, как ни зови...

Глава 1

Шарлотта Кинг закончила собирать клубни сладкого картофеля с последней грядки и медленно поднялась на ноги. Выпрямившись, она рукой смахнула с лица прядь волос. Испачканная землей ладонь оставила на щеке след, но Шарлотта не догадывалась об этом. Впрочем, это красное пятно на хорошеньком личике даже шло к ее ярко-рыжим волосам и веснушчатой коже — наследство от любимой бабушки, что ей вовсе не нравилось. Зато у нее огромные голубые глаза. Надо сказать, Шарлотта — красивая девушка. Высокая, стройная, правда, сейчас немного похудевшая. Но это из-за постоянного недоедания. Простенькое платьице ей великовато, но тем не менее не скрывает прекрасную фигуру.

Шарлотта окинула взглядом поле — вся земля потрепалась из-за жары. Вот и в это раннее утро прохладный ветерок уже не дует и начинает сильно припекать солнце.

Она вытерла руки о передник и стала разминать пальцами ноющую поясницу. Бедная девушка так устала — встала чуть свет, приготовила завтрак себе и больной матери, прикованной к постели, потом вымыла посуду, накормила единственного оставшегося поросенка, которого удалось спрятать от солдат-янки, насыпала зерна курам и отправилась в поле искать картофель на заброшенных грядках.

Шарлотта глянула на землю — горстка сморщенных клубней. Этого им с матерью хватит на ужин... А завтра...

Стоп! Об этом она подумает именно завтра. На сегодня ей забот хватает.

Она собрала картофель в передник и направилась было к дому, но что-то заставило ее посмотреть в сторону, на дорогу. Там, вдалеке, девушка увидела приближающегося человека, судя по серой форме, солдата армии конфедератов.

Придерживая фартук, Шарлотта напряженно всматривалась, закрывая солнце ладонью, в одинокого прохожего. Мужчина двигался медленно, опираясь на костыль и волоча ногу. При каждом шаге вокруг него поднималось облако пыли, и разглядеть лицо этого человека было трудно. У Шарлотты защемило сердце от одного вида хромого солдата, возвращающегося из побежденной армии в свой разоренный дом.

Расстояние между ними сокращалось, и тут Шарлотта узнала его и закричала:

— Джеферсон!

Тот сразу поднял голову. Да, это он — ее родной брат!

— Боже мой, Джеферсон!

Она бросилась к нему, перепрыгивая через грядки, крепко прижимая к себе фартук с собранной картошкой. Слезы застилали глаза.

Мужчина остановился посреди дороги и ждал, опершись на костыль. Девушка кинулась к брату и обняла его... Боже, как он исхудал! Когда Джеферсон уходил на войну, он был крепким широкоплечим парнем, а сейчас от него осталась ровно половина! Лицо осунулось, и выглядел он старше своих лет.

— О, Джеферсон! — воскликнула Шарлотта. — Мы считали тебя погибшим!

Брат попробовал улыбнуться, но вместо улыбки получилась какая-то гримаса — сказывались боль и усталость. Шарлотта не знала, что еще сказать. Сердце ее ныло от жалости к брату, но проявлением сочувствия она боялась задеть его самолюбие.

— Пошли, Джеферсон, — сказала она. — Я помогу тебе дойти.

Она подставила ему плечо, на которое тот устало оперся, и они побрели к дому. Джеферсон и слова не мог вымолвить, так ослаб. Из последних сил преодолел он оставшиеся несколько метров до родного дома. Шарлотта чуть ли не втащила обессиленного брата по ступенькам на террасу, где тот буквально упал в кресло. «Господи, как он бледен!» — с болью подумала она.

— Я принесу тебе чего-нибудь выпить. — Шарлотта поспешила на кухню, вспомнив, что там в шкафчике хранится бутылка виски.

Она достала с полки бутылку, нашла остатки сахара, немного мяты и очень обрадовалась — теперь она сможет приготовить освежающий напиток, который всегда любили и отец, и брат. Быстро все смешав, не заставляя Джеферсона ждать, Шарлотта принесла стакан с напитком на террасу.

Джеферсон закинул голову назад, глаза его были закрыты. Казалось, что он не дышит. Шарлотта испуганно дотронулась до его руки. Брат очнулся, но было видно, что никак не может сообразить, где находится.

— Вот, Джеф, выпей, — сказала Шарлотта, поднеся стакан к его губам. — Тебе сразу станет лучше.

Он только кивнул и стал жадно пить. Осушив стакан, Джеферсон снова устало откинулся на спинку кресла и с благодарностью посмотрел на сестру. Он все еще не мог говорить, а она не настаивала, понимая, что человеку надо прийти в себя после всех его мытарств.

Шарлотта спохватилась — Джеферсон, должно быть, голоден! Как же она не догадалась сразу, что необходимо приготовить ему хорошую еду! Надо нарезать курицу и сварить суп, а еще испечь картофель, который она собрала в поле.

Тут она заметила, что Джеферсон спит. На его лице застыло выражение глубокого страдания и смертельной усталости. У Шарлотты снова защемило сердце от жало-

сти и боли, к горлу подступил ком, хотелось разрыдаться. С трудом сдерживая слезы, она отправилась в дом, вынесла оттуда одеяло и укрыла несчастного брата, который, несмотря на жару, ей показалось, продрог.

Присев на ступеньки у ног спящего брата, Шарлотта задумалась. Слава богу, Джеферсон вернулся! Теперь дела у них пойдут на лад. Он выздоровеет, окрепнет и займется фермой. Она же будет помогать, и вскоре им, возможно, удастся как-то наладить хозяйство. Теперь ей не придется одной надрываться от зари до зари. Брат вернулся!

Шарлотта не выдержала и осторожно погладила Джеферсона по руке, безвольно свисавшей с подлокотника. Улыбаясь, она мечтала о том, как в скором будущем все у них на ферме будет замечательно!

Встреча сына с матерью прошла совсем не так, как ожидала Шарлотта.

К удивлению сестры, Джеферсон только на третий день после своего возвращения объявил, что сможет наконец подняться наверх. Шарлотте показалось, что брат не слишком сердечно поздоровался больной матерью. Конечно, он поцеловал ее в щеку и даже улыбнулся, а потом стал успокаивать, объясняя, что чувствует себя не так уж плохо. Но не было в его голосе тепла, выражение лица почти не изменилось, словно состояние матери и ее внешний облик не слишком его удивили.

Шарлотта привыкла к тому, как переменилась мать за время болезни. Всегда розовощекая, цветущая женщина, теперь она похудела, осунулась, цвет ее лица стал каким-то серым, землистым, взгляд — потухшим. Волосы поседели, даже приобрели желтоватый оттенок. Видно, что она угасает. А Джеферсон, который помнил ее другой — статной, свежей, бодрой, — воспринял все эти перемены достаточно спокойно: ни намека на переживание, ни тени беспокойства, ни капли сострадания в глазах.

Шарлотта гладила мать по руке и злилась на брата за черствость. Конечно, он сам болен, измотан, но это все равно не оправдывает его безразличного отношения к болезни родного человека.

Когда они спустились вниз, в гостиную, Джеферсон спросил:

— Что с ней? Доктор сказал тебе, что с ней?

— Опухоль в груди, и она продолжает расти.

— Я видел таких больных в лагере военнопленных. Она умирает.

Он проговорил это таким бесстрастным тоном, что Шарлотта в душе возмутилась. Как можно быть таким толстокожим! Почему брат так ведет себя? Ведь раньше он был совсем другим, и она ожидала от него проявления чуткости и сочувствия. А теперь Джеферсон стал каким-то чужим. Шарлотта не понимала, как ей дальше общаться с этим новым для нее человеком.

Она резко встала со стула.

— Пойду приготовлю ужин. Правда, теперь еда совсем не та, что раньше, если ты успел заметить.

— Теперь ничего не будет так, как раньше, — мрачно произнес Джеферсон.

Шарлотта отправилась на кухню. Девушка едва сдерживала слезы. Она так радовалась возвращению брата, а теперь...

Нет, он преодолет депрессию, надо только подождать и перестать сердиться на него.

Приготовление ужина не заняло много времени — меню было довольно скудным. Шарлотта отнесла еду в столовую, где они с Джефом сели за длинный стол, за которым когда-то, еще до войны, собиралась вся семья.

Джеф потягивал виски. Первую бутылку он давно выпил и где-то отыскивал еще одну. По выражению его лица невозможно было понять, о чем он думает. А когда они с Шарлоттой встречались взглядом, она пугалась —

в глазах брата, некогда таких живых и сияющих, стояла какая-то пустота.

— Все пропало, Шарлотта, все, — неожиданно сказал Джеферсон. — Я имею в виду не только то, что создал отец здесь своими руками для нас, но и весь Юг. Все мертво и никогда не возродится. Проклятые янки позаботились об этом. — Он саркастически рассмеялся. — Больше никогда не будет так, как было раньше. И я уже никогда не стану прежним беспечным парнем.

Он горестно покачал головой и осушил стакан до дна. Слова брата отозвались болью в сердце Шарлотты. Она с сожалением смотрела на сломленного духом Джефа, сочувствовала ему, но в то же время никак не могла с ним согласиться. Да, война нанесла ему и душевные, и физические раны, нарушила всю его жизнь, разбила мечты. Но разве можно с этим смириться? Где же фамильная гордость Кингов? Их предки переживали не меньшие беды, но всегда находили в себе силы подняться и идти дальше! Так же и они с Джеферсоном смогут превозмочь себя, если только у Джефа осталась хоть капля самолюбия.

— Ты ошибаешься, Джеф, — сказала Шарлотта. — Далеко не все пропало.

Он удивленно посмотрел на нее:

— Ты это о чем?

— У нас есть шанс. Идем, я покажу тебе кое-что. — Она решительно встала из-за стола, подошла к брату и потянула его за руку. — Пойдем со мной, Джеф!

Он ухмыльнулся:

— Сестренка, оставь! Что бы это ни было, можно подождать. Я устал.

Но Шарлотта решила не жалеть его больше.

— То, что я покажу тебе, улучшит твоё настроение.

— Нет, боюсь, ничто мне уже не поможет, — сокрушенно покачал головой Джеф.

— А это поможет! Обещаю! Пошли.

Он тяжело вздохнул, поднялся и послушно поплелся за сестрой. Шарлотта прихватила с собой лампу и, освещая путь, повела Джеферсона во двор. Там они подошли к сараю, который находился прямо за домом. В этом сарае раньше хранили табак. Прежде чем отпереть, Шарлотта обратилась к брату:

— Понимаешь, меня предупредили, что вот-вот придут янки. Холлистеры послали ко мне Джимми, и он рассказал, что солдаты грабят и сжигают все подряд. Мы с ним вместе и перенесли все в подпол под сараем, потом плотно закрыли люк, а сверху навалили грязной соломы и навоза. Солдаты не заметили крышку люка. Я боялась, что они подожгут сарай, но обошлось.

Шарлотта выпалила все это буквально на одном дыхании. Она так гордилась своей находчивостью и искренне радовалась, что ей повезло.

— Они не сожгли ничего! Такая удача!

— Чего они не сожгли?! — воскликнул Джеф, который ничего не понял. — О чем ты?

— А вот об этом!

Шарлотта распахнула дверь сарая, и на них сразу пахнуло ароматом высушенных листьев табака. При свете лампы они увидели подвешенные к потолку большие связки.

— Это все отборный сорт. Папин последний урожай, а потом он использовал новый метод просушивания.

Джеферсон в недоумении озирался вокруг.

— Отец вырастил этот табак? Когда?

— Буквально перед смертью. Ты был на войне, поэтому и не знаешь. Если бы янки нашли табак, то забрали бы все до последнего листочка. Слава богу, меня вовремя предупредили.

Джеф не разделял ее восторга. Он сказал:

— Шарлотта, не понимаю, какое это имеет отношение ко мне. Ну тебе удалось припрятать табак. Что из того?

— Да ты что, Джеферсон! За этот табак можно выручить кучу денег! Во время войны почти никто не выращивал его, запасы табака иссякли, и на него с каждым днем увеличивается спрос. Ведь до нового урожая пройдет немало времени.

— И почему это должно меня приободрить?

— Но благодаря деньгам, вырученным за табак, мы сможем снова встать на ноги! Мы будем в состоянии возродить наши земли!

— Так ты что, хочешь заняться земледелием? Думаешь, что и я стану фермером? — Джеферсон удивленно посмотрел на нее. — Шарлотта, у меня за спиной четыре года несчастий, горя и боли. Я вернулся домой совсем не для того, чтобы возиться с землей.

— Но Кинги всегда занимались фермерством! Вспомни, отец рассказывал нам о том, как наш дед приехал сюда возделывать землю!

— Моя дорогая сестра, ты никак не можешь взять в толк то, что я тебе говорю. Пойми наконец: те дни благоденствия ушли безвозвратно. Плантаций больше не будет. Как и солидных плантаторов, которые курят на веранде сигары, пока их рабы трудятся в поле!

— У папы никогда не было рабов!

— Не важно. Он нанимал работников за плату. Даже если мы с тобой и найдем надежных людей, то не сможем платить им. Нам придется самим обрабатывать землю. Мы должны будем трудиться, как рабы. То есть я один!

— Я буду работать вместе с тобой! — решительно заявила Шарлотта.

— Ты? Женщина будет работать в поле? Ни одна южанка никогда не делала этого! Что скажут соседи?

— Меня не интересует мнение соседей. Важнее другое... — Тут она внимательно посмотрела в глаза брату. — Но ведь тебе надо чем-то заниматься, Джеф. Если ты не собираешься возделывать землю, что же будешь делать?

— На сегодняшний день — ничего, потому как плохо себя чувствую. Но гробиться, выращивая табак, я не буду.

— Как же ты прокормишься? Или надеешься, что я буду содержать тебя?

Он гордо вскинул голову:

— Нет, этого мне не надо. Я больше не ребенок, Шарлотта. Тебе не стоит беспокоиться, я справлюсь.

Он повернулся и, хромя, вышел из сарая. Радуюсь тому, что ей все же удалось расшевелить брата, Шарлотта последовала за ним. В нем заговорило самолюбие, а это уже кое-что. Девушка догнала Джеферсона почти у дверей дома. Тот даже не взглянул на сестру, а прошел сразу в столовую.

— Джеф, ты собираешься доесть свой ужин? Сейчас я его разогрею, а то он успел остыть.

— Не надо. Есть я не буду, а лучше выпью, — бросил он, не поворачиваясь.

Шарлотта в растерянности топталась на пороге.

— Разве ты не поднимаешься к маме? Не пожелаешь ей спокойной ночи?

Джеф сел за стол и молвил ледяным тоном:

— Мне нечего ей сказать. О чем нам толковать? О том, как мы оба пострадали от жестокостей войны? Нет, уволь меня от этого, дорогая. Пожелай спокойной ночи от моего имени. И скажи, — он бросил на Шарлотту колющий взгляд, — что я пытаюсь утопить свою тоску в стакане виски. Ей, пожалуй, стоит сделать то же самое.

Шарлотта вышла за дверь и застыла, стиснув в отчаянии руки. Она ужасно сердилась на брата, но не спешила ему все высказать. Пока. Что же такое с ним происходит? Конечно, ему пришлось нелегко, с этим никто не спорит, но другие тоже воевали и пострадали не меньше. Здешние парни стали возвращаться в родные места сразу же после окончания войны, многих Шарлотта знает, и они уже трудятся на своих фермах.